

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КОЛХИДОК

Самыми распространенными памятниками античной нумизматики на Кавказе являются широкоизвестные серебряные монеты, давно уже вошедшие в научный обиход под названием колхидок. Но, несмотря на то, что эти монеты неоднократно издавались, они и сейчас продолжают оставаться недостаточно изученными. Не выяснена весовая система, к которой они принадлежат, неясно значение помещенных на них изображений и смысл немногих буквенных обозначений, не изучена техника их чеканки, неясна их абсолютная хронология и периодизация и, более того, не вполне убедительно доказано, кто именно и на какой территории выпускал эти монеты.

Часть исследователей считает, что чеканка колхидок, этих древнейших нумизматических памятников и свидетелей «возникновения первой грузинской государственности указывает на образование классового общества и государства у колхов»¹ не позднее V века до н. э. и, во всяком случае, не сомневается в подлинно колхском происхождении монет. Другая, отрицая существование колхидской государственности в этот период (древние писатели, упоминая колхов, ничего не говорят об их государственном строе) и выражая сомнение в колхском происхождении колхидок, полагает, что их выпуск осуществляли греческие полисы Восточного Причерноморья². Поэтому нашей первоочередной задачей является выяснение происхождения этих монет, чеканили ли их сами колхи или греки-колонисты³.

Не станем задерживаться на общеизвестных фактах, касающихся этих монет (район распространения этих монет, разнообразие их вариантов и т. д.), постепенно входивших в научный обиход еще с начала прошлого столетия⁴, и сошлемся на последние публикации, где с большей или меньшей полнотой перечислены основные типы и номиналы колхидок и даны их репродукции⁵. Что же касается многочисленных вариантов наиболее распространенного их номинала — полудрахов, издаваемых от случая к случаю единичными экземплярами и потому известных лишь очень ограничен-

¹ Б. А. К у ф т и н, Материалы к археологии Колхиды, II, Тбилиси, 1950, стр. 13, 14 и 76.

² А. И. Б о л т у н о в а, Выступление по поводу проспекта «Всемирной истории», ВДИ, 1952, № 4, стр. 172.

³ Все остальные вопросы, комплексное изучение которых, несомненно, помогло бы нам достигнуть намеченной цели, приходится отложить до другого времени, так как они требуют кропотливого просмотра огромного фактического материала и длительных исследований. К ним, конечно, придется вернуться, после того как будет выяснен вопрос происхождения колхидок, который, в сущности, является основным.

⁴ Ранняя библиография работ по колхидкам приведена у Б. Кене, Описание музея покойного кн. В. В. Кочубея., т. I, СПб., 1857, стр. 427 слл.

⁵ См., напр., С. И. М а к а л а т и я, О находке нового клада колхидских монет, ВДИ, 1939, № 1; А. Н. З о г р а ф, Распространение находок античных монет на Кавказе, ТОНГЭ, I (1945), стр. 36; Д. Г. К а п а н а д з е, Заметки по нумизматике древней Колхиды, ВДИ, 1950, № 3.

ному кругу специалистов, то, чтобы дать о них хотя бы приблизительное представление, на отдельной таблице нами представлены репродукции некоторых наиболее характерных вариантов. Однако мы считаем необходимым оговориться, что эта таблица дает лишь приблизительное представление о том огромном разнообразии вариантов, которым характеризуется эта группа монет, пополняемая многими десятками новых вариантов, поступающих в результате производимых в Западной Грузии археологических работ и случайных находок в том же районе. Отсюда ясно, что классификация этих

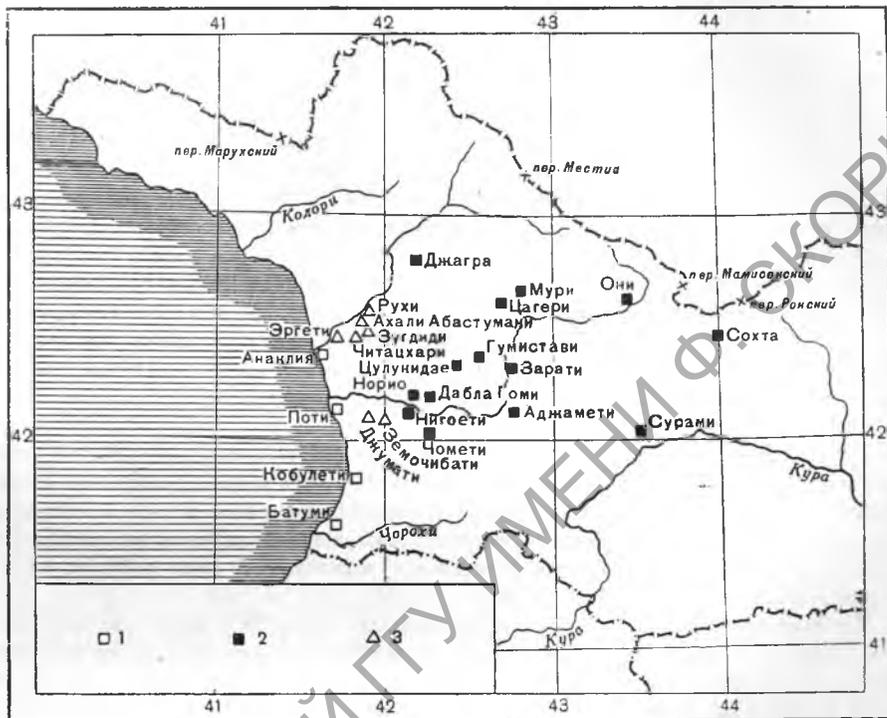

Рис. 1. Карта распределения находок кладов колхидок по Грузинской ССР. Условные обозначения: 1. Район полисов; 2. В глубине страны; 3. Средняя полоса

монет и выяснение других, связанных с ними, вопросов требуют продолжительной работы

Подавляющее большинство колхидок принадлежит к категории анэпиграфных монет; мы располагаем лишь очень незначительным числом экземпляров с проставленными на них одной или двумя буквами⁶, которые, пока во всяком случае, не решают вопроса об их происхождении. Чтобы разобраться в этом вопросе, мы попытаемся использовать другие признаки, которые и рассмотрим каждый в отдельности.

Грузия вообще чрезвычайно богата находками древних монет, но многочисленность найденных колхидок бросается в глаза даже в этих условиях. В этом отношении колхидки могут сравниться лишь медные монеты XII и XIII в. — Тамары и Русудан. Большое количество зарегистрированных случаев находок отдельных колхидок свидетельствует об их широком распространении во всех слоях населения. Однако нередки случаи, когда их кладки содержат сотни экземпляров, в одном лишь Музее Грузии таких кладов несколько (Цулукидзеvский — 200 экземпляров, Лечхумский — 310, Чометский — 380, Кобулетский — 291 экземпляр). В те отдаленные времена серебро

⁶ Например, из хранящихся в фондах Государственного Музея Грузии 1635 экземпляров этими буквами помечено всего лишь 16 экземпляров, т. е. около 1%.

вообще ценилось значительно дороже, поэтому соотношение серебра и золота было достаточно высоким, следовательно, и реальная ценность кладов в момент их захоронения также была весьма значительной. Особого внимания заслуживает и тот факт, что эти клады за единичными исключениями состоят из местной, а не привозной монеты, в то время как в большинстве случаев на территориях, населенных варварами, преобладает иноземная монета. Значит, налицо все признаки развитого местного денежного хозяйства в древней Колхиде, и потому правы те исследователи, которые на основании степени распространения именно этих монет говорят о «высоком уровне развития хозяйства колхов».

В греческих полисах Черноморья, как, впрочем, и во всех греческих городах, в силу развитости товарно-денежных отношений городская монета, прежде всего, была рассчитана на внутреннее потребление и на мелкие торговые сделки⁷⁻⁸. В ранний период (вторая половина VI—V вв. до н. э.) в чеканке греческих городов, монета которых не была рассчитана для обращения на внешнем рынке, наблюдается преобладание мелких и мельчайших номиналов серебряной монеты⁹. В более же позднее время, когда вместо мелких серебряных монеток стали выпускать медь, серебро, а тем более золото, представляли уже в обращении сравнительно с медью редкое явление. Прекрасной иллюстрацией к сказанному служат материал боспорских городищ: из 359 монет преимущественно эллинистического времени, найденных во время раскопок боспорских городищ Мирмекия и Тиритаки, не было ни одной серебряной¹⁰, а на 506 монет из случайных находок и сборов на городище Патрей пришлось только две серебряные¹¹ монеты. Таких примеров можно было бы привести сколько угодно.

На Востоке же, при меньшей развитости товарно-денежных отношений, монета больше применялась для крупных расчетов, в силу чего здесь преобладало крупное серебро и в меньшей мере золото (пример — ахеменидские сикли и дарика, сагравская чеканка); мелкая монета почти отсутствует. Аналогичная картина наблюдается и в Колхиде, где наряду с крупным серебром — колхидками уже с III в. до н. э. стали также выпускать золото.

Наличие на некоторых колхидках греческих букв (MO — тбл., №№ 24, 25; O (?) — № 23; A — № 3 и Ф)¹², техника их изготовления и весовые данные тоже служили для некоторых исследователей основанием считать, что колхидки были монетами греческих побережных городов и отношение последних к западно-картвельским племенам было таким же, как Пантикапея, Фанагории и др. к племенам приазовским и северокавказским¹³. Однако с этим нельзя согласиться.

Наличие греческих букв, как отмечалось выше, известно на очень незначительном количестве колхидок, составляющих ничтожный процент к общему числу приведенных в известность экземпляров. Наконец, известны и эпиграфические памятники местного характера, написанные по-гречески, так что говорить о достаточно хо-

⁷⁻⁸ Исключая, естественно, чеканку крупных торговых городов, монета которых была специально рассчитана на внешний рынок.

⁹ Прекрасным примером в этом отношении может служить Пантикапей, в ранней чеканке которого преобладают мельчайшие номиналы, а такие номиналы, как драхма и триобол, настолько редки, что их можно считать практически отсутствующими (см., например, А. Б е р т ь е - Д е л а г а р д, Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды, ИС, II (1913), стр. 72—76).

¹⁰ А. Н. З о г р а ф, Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия, МИА, № 4, 1941, стр. 157.

¹¹ К. В. Г о л е н к о, Монеты из случайных находок в Патрее (1947—1950 гг.), ВДИ, 1952, № 3, стр. 147.

¹² В данном случае знак O вероятнее всего является стилизованным венком (см. № 25 на табл. I).

¹³ Таково, по сообщению Д. Г. Капанадзе, мнение Е. А. Пахомова.

1 — Цулукидзеvский влад (инв. № ГМГ 1472); 2 — Чометский влад (инв. № ГМГ 7903); 3 — место находки неизвестно (инв. № ГМГ 3273); 4 — Лечхумский влад (инв. № ГМГ 6637); 5 — там же (инв. № ГМГ 6860); 6 — там же (инв. № ГМГ 6597); 7 — Ахалсонельский влад (инв. № ГМГ 4842); 8 — Цулукидзеvский влад (инв. № ГМГ 1454); 9 — Лечхумский влад (инв. № ГМГ 6576); 10 — там же (инв. № ГМГ 6682); 11 — Ахалсонельский влад (инв. № ГМГ 4821); 12 — там же (инв. № ГМГ 4820); 13 — Цулукидзеvский влад (инв. № ГМГ 1381); 14 — там же (инв. № ГМГ 1535); 15 — место находки неизвестно (инв. № ГМГ 1664); 16 — Кобулетский влад (инв. № ГМГ 8963); 17 — там же (инв. № ГМГ 8970); 18 — Цулукидзеvский влад (инв. № ГМГ 1528); 19 — Кобулетский влад (инв. № ГМГ 8974); 20 — там же (инв. № ГМГ 8964); 21 — там же (инв. № ГМГ 8975); 22 — там же (инв. № ГМГ 8952); 23 — Лечхумский влад (инв. № ГМГ 6355); 24 — там же (инв. № ГМГ 6349); 25 — Чометский влад (инв. № ГМГ 7097); 26 — Цулукидзеvский влад (инв. № ГМГ 1569)

рошо известном факте широкого распространения греческого языка среди негреков вряд ли стоит. Оттого, например, что парфянские или бактрийские монеты метились пространными греческими надписями, их никто не станет называть греческими. Говорить о технике выделки колхидок, как, впрочем, и многих других монет древности, преждевременно, так как эта сторона дела, к сожалению, пока не изучена и потому критерием для определения происхождения монет служить не может. Все же следует отметить, что один экземпляр Цулукидзевого клада, оказавшийся совершенно гладким, без каких-либо следов чекана, вероятно, представляет собой заготовку (инв. № 1569 Гос. Музея Грузии — табл. I, № 26), которую вряд ли стали бы ввозить в глубь страны греки-колонисты, так как наблюдение за персоналом и продукцией монетных дворов в античных городах всегда было чрезвычайно строгим¹⁴.

То же следует сказать и о весе колхидок, так как вопрос о том, к какой именно системе они принадлежат, не решен и поныне¹⁵. Судить об этом, видимо, придется по крупным номиналам, ибо мелкие совершенно ненадежны и показывают крайне резкие колебания от 1,45 до 2,80 г. Надо полагать, что колхидки, действительно, чеканились по одной из греческих систем, но это не может служить доказательством их греческого происхождения, так как все античные монетные системы возникли на единой основе.

Необходимо обратить внимание и на то обстоятельство, что колхидки «представляют из себя чрезвычайно замкнутую группу монет и до сих пор, по крайней мере, не встречались в находках вместе с иными монетами»¹⁶. В дополнение к глухому упоминанию Бартоломея о находке колхидок с ахеменидским сиклом¹⁷ мы располагаем теперь абсолютно достоверными и проверенными сведениями о совместной находке колхидок с другими монетами. Так, например, в Гос. Музей Грузии был доставлен клад, найденный в 1952 г. близ Кобулет, содержащий 291 колхидку и один электровый кизикин 550—475 гг. до н. э.¹⁸ В 1948 г. там же в Кобулет был найден крупный клад смешанного состава колхидок с синопскими драхмами времени около середины IV в. до н. э., большая часть которого разошлась по рукам¹⁹. Наконец, там же и примерно в то же время зафиксирована совместная находка двух колхидок со статером с именем Александра Македонского. Так как на первых порах своего существования греческие полисы поддерживали тесные связи с метрополией, то, если бы колхидки чеканились греками, подобные смешанныеклады не носили бы столь случайный характер. Любопытно, что большинство зафиксированных случаев находок таких смешанных кладов приходится на один приморский пункт (Кобулет).

Замечательно также, что в то время, как в Западной Грузии находки колхидок, как отмечалось выше, исчисляются тысячами, за ее пределы они выходят крайне редко, и притом единицами, чего бы, конечно, не было, если бы их чеканили колонисты-греки. За пределами Грузии такие находки отмечались всего лишь два раза — в Херсонесе²⁰ и Нимфее²¹, тогда как значительно менее распространенные типично городские медные

¹⁴ А. К. Марков, Древняя нумизматика, ч. 1, СПб., 1901, стр. 61.

¹⁵ А. Е. Пахомов, Монетные клады Азербайджана и Закавказья, Баку, 1926, стр. 15.

¹⁶ А. Н. Зограф, Распространение находок античных монет на Кавказе, ТОНГЭ, I, стр. 36.

¹⁷ J. Bartholomei, Lettres numismatiques et archéologiques, relatives à la Transcaucasie, SPb., 1859, стр. 7.

¹⁸ Тип кизикина см. Н. Fritze, Die Elektronprägung von Kyzikos, «Nomisma», VII, В., 1912, стр. 9, № 2, табл. IV, № 7.

¹⁹ Остатки этого клада (101 синопская драхмы и 58 колхидок) опубликованы К. В. Голенко. Кобулетский клад серебряных монет середины IV в. до н. э. (предварительное сообщение), СА, XXVII (1957), стр. 290 сл.

²⁰ Е. А. Пахомов, Монетные клады..., вып. 3, Баку, 1940, № 977.

²¹ В. М. Скуднова, Находки колхидских монет и пифосов в Нимфее, ВДИ 1952, № 2.

монеты Диоскуриады, чеканенные в составе державы Митридата VI уже значительно позже (I в. до н. э.), как правило, входят в состав находок городищ Северного Причерноморья, в Херсонесе, в Керчи, в Мирмекии, в Тиритаке, в Патрее и даже один раз близ Анкары (Караляр, Турция)²².

Такое соотношение находок нельзя объяснить простой случайностью и оно особенно показательно еще и потому, что медные монеты Диоскуриады прежде всего были рассчитаны на внутреннее обращение и для небольших рыночных сделок, но не для внешней торговли.

Примером торговли греков с местным населением могут служить широкоизвестные торговые сношения в Северном Причерноморье со скифскими племенами, представлявшими главным образом хлеб. И хотя торговля хлебом могла быть выгодна лишь при широких масштабах, несмотря на это она не привела к развитию денежного обращения у скифов, где материал археологических раскопок дает массу предметов роскоши греческого происхождения при почти полном отсутствии монет. Последние, если и попадаются, то явно в порядке исключения²³.

Иная картина наблюдается в Колхиде: местной монетой, колхидками, обильно насыщены вообще многие районы нынешней Западной Грузии, но большее их количество обнаружено именно в районах, расположенных в глубине страны, вдали от моря (см. приложенную карту). Если в районах предполагаемых греческих полисов со смешанным греко-колхским населением было найдено лишь четыре клада колхидок (Анаклия, Кобулети — два клада, Поти), то далеко восточнее, а иногда даже в горных районах Колхиды, этих кладов обнаружено значительно больше (Цагери, Муриксиде, Они, Джагира, Кумистави, Зарати, Цулукидзе, Норю, Дабла-гоми, Нигоети, Аджамети, Чомети, Сохта, Сурами и т. д.). В последний список не включены пункты средней полосы (три клада в районе Зугдиди, Эргетский, Читацкарский, Джуматский, Земочибатский клады), которые по справедливости тоже следовало бы отнести ко второй группе, так как клады зарыты были далеко от греческих полисов. Та же картина наблюдается и с находками единичных экземпляров.

Такое соотношение говорит о том, что считать широкое распространение колхидок результатом торговли греков-колонистов с местным населением, а не развитым внутренним денежным обращением среди самих же колхов — нет оснований.

Нельзя отрицать того, что развитие колхов первоначально протекало без участия греков, которые при первом же своем появлении столкнулись здесь с самобытной культурой, традиции которой не исчезли в момент появления и широкого распространения колхидок и отразились на них. По поводу, например, изображения быка на оборотной стороне подавляющего большинства мелких колхидок высказывались самые различные предположения: одни исследователи связывали его с «неясной ролью в мифологии западных племен Закавказья» «абхазского золоторогого быка»²⁴, другие сравнивали рога быка с молодым месяцем, луной, культ которой так почитался в Грузии, иные признают его за рабочий скот и т. д.

Мы не станем вдаваться в область предположений, еще не подтвержденных прочными доказательствами, и основное наше внимание обратим на факты, которые могут оказать пользу теми или иными деталями. Очевидно одно, что в основу изображений на колхидках легли местные традиции, давшие им свой специфический стиль. Поэтому все исследователи единогласно сошлись на том, что изображенная на колхидках человеческая голова принадлежит местному божеству. Изображение божества в виде коленопреклоненной женской фигуры с бычьей головой на крупных колхидках не находит себе аналогии в греческой мифологии и также принадлежит

²² Пахомов, Монетные клады..., вып. 3, Баку, 1940, №№ 972, 976, 978, 979, 983; вып. 4, 1949 г., №№ 1300, 1308 и вып. 5, 1949, №№ 1508, 1509, 1510, 1513 и 1514.

²³ См., например, Б. Н. Г р а к о в, Каменское городище на Днестре, МИА, № 36 (1954), стр. 89, табл. VIII.

²⁴ Е. А. Пахомов, Монеты Грузии, ч. I, СПб., 1910, стр. 8.

местному пантеону²⁵. Все это свидетельствует об известной независимости выпускавших колхидки от эллинской традиции. Отличаясь от быстро менявшихся эллинских форм, эти местные сюжеты колхидок сохраняют известное сходство с изображениями некоторых малоазийских монет, которые в ту пору были тоже очень близки восточному негреческому миру. Эти местные традиции, которые застали тут первые колонисты-греки, превратившись в застывшую схему, жили очень долгое время, исчисляемое столетиями (VI—III вв. до н. э.), потому что заботливо сохранялись поколениями местных же мастеров с их традициями, верованиями и представлениями.

С другой стороны, в чеканке греческих городов монета постоянно изменялась от архаической с примитивным изображением аверса и *quadragus incursum* на реверсе до более поздней с развитым сюжетом изображений обеих сторон и с постепенным включением в монетный тип имени города и разных добавочных элементов (например, символы, монограммы, инициалы или имена магистратов). Да и в самой чеканке всех греческих городов на таком продолжительном отрезке времени, как V—III вв., наблюдается смена монетных типов²⁶. Таким образом, если бы чеканка колхидок осуществлялась Фасисом или другим греческим полисом, это было бы уникальным явлением в греческой нумизматике, так как такое постоянство монетного типа вообще неизвестно для греческой чеканки. Тип же колхидок, как известно, не менялся, что характерно как раз для так называемого варварского чекана. Трудно себе представить, чтоб греки сразу же по основании полисов, происшедшего примерно в VI в. до н. э., стали чеканить монеты с сугубо местным сюжетом, сохраняя его столетиями. Процесс влияния греков на колхов и обратно был очень продолжительным и чрезвычайно сложным, и понимать его иначе было бы лишь упрощением вопроса.

Необходимо обратить особое внимание и на одно крайне важное обстоятельство: монеты так называемой племенной чеканки, как правило, всегда являются несомненными подражаниями, копирующими наиболее распространенный в той или иной области монетный тип (например, некоторые типы грузинских подражаний александровских и лисимаховских статов). Колхидки же представлены несколькими оригинальными типами и никак не подходят под категорию подражаний.

Совокупность перечисленных выше фактов нумизматического характера убеждает нас в колхском происхождении этих монет. Но наряду с этим для выяснения вопроса происхождения колхидок непременно следует учесть и те обстоятельства, которые предшествовали и частично сопутствовали чеканке этих монет. Хотя это и выходит за область нумизматики, сопоставление их с уже имеющимися у нас данными могло бы способствовать разрешению интересующего нас вопроса и подвело бы более или менее прочную базу. Мы заранее просим историков и археологов пополнить своими замечаниями ускользнувшие от нашего внимания подробности и детали.

Появлению колхидок, как известно, предшествовала высокая культура колхской бронзы. Ряд предметов того времени, как то: массивные бронзовые браслеты, мотыги, сегментовидные пластинки²⁷ и прочие домонетные формы денег пока недостаточно

²⁵ См. приложенную к статье таблицу и таблицы упомянутых выше работ А. Н. Зограф (ТОНГЭ, I) и Д. Г. Капанадзе (ВДИ, 1950, № 3).

²⁶ Исключая в известной мере чеканку таких центров, как, например, Афины, где монета специально выпускалась для внешней торговли. Тип афинских тетрадрахм, ввиду их популярности на рынке, был сознательно оставлен без изменения. Однако сравнение колхидок и афинских монет вряд ли возможно, так как колхидки были рассчитаны только для внутренней торговли и выпускались значительно дольше, чем афинские тетрадрахмы и другие близкие им греческие монеты.

²⁷ Б. А. Куфтин, К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры по данным археологии, ВМГ, XII—В (1944), примечание к стр. 318 со ссылкой на справку Е. А. Пахомова. Кстати, интересные наблюдения над этими древнейшими знаками ценности проделаны научным сотрудником Гос. Музея Грузии Д. Л. Коридзе, и нам остается пожелать, чтоб они были опубликованы скорее.

изучены, но во всяком случае свидетельствуют о том, что уже в те отдаленные времена, еще задолго до появления колхидок, местному населению хорошо были известны мерилы ценности, которые в дальнейшем были заменены монетами.

Материал, добытый во время археологических исследований ряда пунктов Западной Грузии (Дабла-Гёми, Вани, Пардханаканеви, Эшер и др.), свидетельствует о высоком культурном уровне колхов и родственных им племен, об их общении с греческими полисами и участии в культурной жизни греческих городов, о появлении социально-имущественного неравенства. Остатки каменных сооружений с черепичными кровлями свидетельствуют о наличии городов и крупных поселений, где уже развились специализированные ремесла: изготовлялись глиняная посуда различной формы и назначения, металлические изделия и орудия, домашняя утварь и украшения из золота, серебра и бронзы, каменные зернотерки, кривые железные ножи (*цалди*), употребляющиеся в Грузии и поныне, крупные глиняные сосуды (*кверри*), предназначенные для хранения вина, грузила, пряслица для изготовления прославленных льняных тканей и множество других памятников материальной культуры — все это говорит о высоком развитии в Колхиде и сельского хозяйства²⁸. Кстати, свидетельство Геродота (II, 105) о том, что только египтяне и колхи обрабатывали лен, и притом одинаковым способом, предполагает, как считают некоторые исследователи, наличие у обоих этих народов не только одинаковых видов орудий производства (в первую очередь ткацких станков), но и одинаковых способов производства соответствующей формой организации труда²⁹, тем более, что этот лен предназначался не только для внутреннего потребления, но и для экспорта.

О наличии прекрасной сети дорог можно судить по свидетельству Страбона, упоминающего о 120 мостах, построенных через одну только реку Фасис (Strabo, XI, 3, 4). Все это, конечно, содействовало оживленной торговле как внутри самой страны, так и с иноземными купцами.

Вследствие этого возникновение колхидок в местной среде и их широкое распространение представляет собой совершенно естественное явление. Характерно также, что процесс развития общественного строя охватил как долину Колхиды, так и горные ее районы близ перевалов, через которые осуществлялись торговые связи с Северным Кавказом, о чем свидетельствуют археологические находки в Лехчуме и Верхней Раче. И если в обособленных горных районах страны еще сохранился первобытно-общинный строй, доживший до средневековья, то общей картины изменить это не может.

Подтверждение всего этого материала мифами, легендами и преданиями о древней Колхиде, возникшими в разное время, дает основание говорить не только о высокой местной культуре, но и о таком обществе, в котором имелись уже все условия для возникновения государственности. О существовании же государственности у колхов имеются и конкретные письменные сведения. Полностью подчинить Колхиду Ахеменидам не удалось, но то обстоятельство, что, наряду с другими странами тогдашнего культурного мира, южные ее области были обложены Ираном данью в размере 300 талантов золота, говорит о многом. Для выплаты такой огромной по тем временам суммы требовались: 1) соответствующая экономическая база и 2) аппарат, необходимый для распределения сбора и даже транспортировки ценностей, с чем Ахемениды, обложившие Колхиду данью, не справились бы без соответствующей помощи местного аппарата.

Как-то мы уже имели случай сослаться на свидетельство Плиния, сообщающего о том, что «в Колхиде царствовал Этов потомок Савлак, который, получив во владение непочатую землю, добыл, говорят, огромное количество золота и серебра в земле племени суанов и вообще в своем государстве, славном золотыми рудами» (Plin, NH,

²⁸ Б. А. К у ф т и н, Материалы к археологии Колхиды, II, Тбилиси, 1950, стр. 1—141.

²⁹ Г. А. Ч а ч а ш в и л и, Из истории грузинского народного ткачества, т. I, Лен, ВМГ, XIX — В, 1956, стр. 194.

XXXIII, 52)³⁰. Здесь Плиний четко разделяет племя и государство. Ссылку эту дополним теперь и свидетельством Аппиана, сообщающего имена колхских царей времен Митридата VI Евпатора, согласно которому колхи, отпавшие от Митридата, смирились лишь после того, как по их просьбе он дал им царем своего сына (App., Mithr., 64). Затем после поражения, нанесенного римлянами Митридату, правителем Колхиды был поставлен местный дивает Аристарх (там же, 114), которого упоминают также Евтропий и Секст Руф (Eutr., VI, 14; Sext. Ruf., XVII). В числе же пленников, украшавших триумф Помпея, «шел и скипетровосец колхов Олтак» (App., Mithr., 117).

Для того чтобы установить момент превращения племенных вождей в царей, перечисленных фактов недостаточно, для этого необходима сумма фактов и деятельное участие специалистов всех смежных областей исторической науки. Но приведенные литературные свидетельства указывают не только на существование колхских царей, но и на традиции царской власти в Колхиде. С этой прочно укрепившейся традицией вынуждены были считаться и победители колхов, причем даже в тех случаях, когда колхи фактически утрачивали свою самостоятельность. Известно, что римляне вообще неохотно давали побежденным царям право на выпуск собственной серебряной монеты, но для Колхиды они признали это даже в отношении своего ставленника, который, осуществляя одну из регалий власти, чеканил монету с надписью «Аристарх Колхский».

Кроме монеты Аристарха, известно еще три типа монет, помеченных именами колхских царей, это — золотой статер колхского царя III в. до н. э. Аки³¹ и полудрахма двух типов II в. до н. э. колхского царя Савлака³². Хотя их принадлежность к Колхиде и была поставлена под сомнение³³, но, так как эти сомнения не были обоснованы, а монета Аристарха вообще обойдена молчанием, то мы позволим себе не придавать значения этим сомнениям.

С I в. н. э. устанавливаются прочные связи с Римом, в результате чего в Закавказье, и в частности в Грузию, широким потоком начинают поступать римские монеты. Некоторые их типы, в частности денарий Августа, прививаются так прочно и получают здесь такое широкое распространение, что превращаются в натурализованные. Здесь, на месте возникает чекан не только так называемых их подражаний, ранние выпуски которых по всем признакам являются полноценной монетой, мало отличающейся от оригинала. По-видимому, то же происходит и с соперничающей с римским денарием парфянской драхмой, относимой к Готарзу. Такой порядок выпуска монеты продолжался в Грузии до VI века, когда уже при Сасанидах появляются монеты с грузинской надписью *асомтаврли*.

Таким образом, в свете изложенного выше вряд ли приходится отрицать местную чеканку колхидок, что одновременно свидетельствует, на наш взгляд, о зарождении государственности у племен Западной Грузии.

Д. Капанадзе и К. Голенко

³⁰ Правда, называя Савлака, Плиний имел в виду легендарного колхского царя, «современника Сезостриса», но его сообщение ценно тем, что это имя действительно было распространено в Колхиде и связывалось с царской властью.

³¹ См. Д. Г. Капанадзе, Новые материалы к изучению статеров царя Аки, ВДИ, 1948, № 1, и он же, О достоверности имени выбитого на статере базилевса Аки, ВДИ, 1949, № 1.

³² К. В. Голенко, О монетах, приписываемых Савмаку, ВДИ, 1951, № 4.

³³ А. И. Болтунова, ук. соч. Кстати, насколько нам известно, колхского происхождения этих монет нумизматы и не оспаривают.